

Т.П. Буслакова

Павел Афанасьевич Фамусов

Павел Афанасьевич Фамусов¹ — главный противник Чацкого. Он московский «туз», «управляющий в казенном месте». В его доме, где происходит действие комедии, собирается «весь свет». В то же время он друг отца Чацкого («...Чацкого, мне друга, / Андрея Ильича покойного сынок...»), был его воспитателем («*София*... Да, с Чацким, правда, мы воспитаны, росли...»).

Так же, как для Чацкого, в характеристике Фамусова речевые особенности играют важную роль. Они позволяют прояснить такие черты, как двуличие, притворство. Подобно дяде Максиму Петровичу, и Фамусов способен «сгибаться вперегиб». Именно у своего «начальника» Молчалин может поучиться, как угождать, только не всем людям, а тем, от кого зависят богатство, почет. Даже в домашнем быту для Фамусова существует разграничение на тех, с кем он дает волю своим истинным «свойствам», и тех, кому вынужден оказывать особую честь. Органичность такого сочетания свидетельствует о том, что эта двойственность давно стала глубинам качеством натуры героя.

После первого появления Фамусов оставляет впечатление благодушного барина, «ветренника» и заботливого отца («Скажи-ка, что глаза ей портить не годится...»), по отношению к которому опасения Лизы («У них беды на всякий час готовы...») кажутся беспочвенными. Однако в следующий его приход он обрисован уже иначе. Он не только беспокоится о безупречной репутации дочери («...Занятье для девицы!»), но намерен читать нотации и ей, и своему секретарю.:

Друг. Нельзя ли для прогулок
Подальше выбрать закоулок?
А ты, сударыня, чуть из постели прыг,
С мужчиной! с молодым! —Занятье для девицы!

А все Кузнецкий мост², и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы:
Губители карманов и сердец!

Реплика Лизы приводит Фамусова в «гнев» («*София*. Я гнева вашего никак не растолкую»), и его оценки происшедшего становятся более резкими:

Ужасный век! Не знаешь, что начать!

Берем же побродяг и в дом, и по билетам,
Чтоб наших дочерей всему учить, всему...

Безродного пригрел и ввел в мое семейство...

Та же эволюция в поведении совершается в отношении Чацкого. Он встречен как родственник, давно не писавший и приехавший неожиданно — «вдруг как с облаков»:

Ну выкинул ты штуку!

Здорово, (*обнимаются*) друг, здорово, брат, здорово.

После того как Чацкий отвергает советы Фамусова, тот приступает к нотации, убеждая учиться у старших. В монологе «Вот то-то, все вы гордецы!» Фамусов формулирует основные принципы своего мировоззрения, проясняющие его место в сюжете как против-

¹ В фамилии слышен отзвук французского слова *fameux* — *известный, знаменитый*, но, в то же время, *отъявленный* (*un menteur fameux* — отъявленный).

² Кузнецкий мост — торговая улица в центральной части Москвы.

ника Чацкого. Они просты: стремление к золоту, чинам, придающим важность «в сорок пуд», способность ради «высочайшей... улыбки» «сгибаться вперегиб». Уверившись, что его бывший воспитанник стал «опасным человеком», Фамусов «затыкает... уши», не желая вникать в «новые правила» («И знать вас не хочу, разврата не терплю»). Будущее Чацкого представляется ему как «суд» после «бунта», «содома» («Тебя уж упекут...»).

Антитезой является гостеприимство к персонажу, что был охарактеризован как солдафон, который «слова умного не выговорил сроду»:

Лиза

Вот например полковник Скалозуб:
И золотой мешок, и метит в генералы.

София

Куда как мил! и весело мне страх
Выслушивать о фрунте и рядах;
Он слова умного не выговорил сроду, —
Мне все равно, что за него, что в воду.

Подтверждается догадка Лизы о том, что «батюшка» Софии, «Как все московские», «Желал бы зятя... с звездами, да с чинами». Фамусов действительно, по выражению Чацкого, «сильно бредит» возможным женихом, что выражается в том, как он суетится перед Скалозубом. В его речи появляются подобострастные выражения («...к нам сюда-с», «Прошу покорно»), признания в особой привязанности («Прозябли вы, согреем вас...», «Сергей Сергеич дорогой!», «Да, счастье у кого есть эдакий сынок!» — о двоюродном брате Скалозуба, получившем благодаря ему «выгод тьму по службе», «Да, чем кого Господь поищет, вознесет!»). В монологе «Вкус, батюшка, отменная манера...» Фамусов находит способ польстить военным, возводя их на вершину общественной лестницы Москвы. Здесь есть чему «дивиться», но прусский король выделял среди всех «девиц», а они:

К военным людям так и льнут,
А потому, что патриотки.

Фамусов готов поддержать мнение Скалозуба, даже если оно будет противоречить словам всех («Не поминайте нам, уж мало ли кряхтят!»). Но Чацкий встречает суждение о том, что «Пожар способствовал... много к украшенью» Москвы, резкой отповедью («Дома новы, но предрассудки стары»), вслед за тем приступая к разбору светских судей. Скалозуб не придает значения ни критике Чацкого, ни попыткам Фамусова подчеркнуть их особую близость: в армейской остроте отвергает свое родство с ним через Настасью Николавну («Мы с нею вместе не служили»), при известии о том, что кто-то «убился», предполагает насмешливо, что «старик» мог «дать маху». Он «ничуть не прочь» жениться, но не проявляет ни в поступках, ни в речи нежных чувств к Софии и ее семье. Несмотря на это, Фамусов продолжает заискивания перед ним:

Где Скалозуб Сергей Сергеич? а?
Нет, кажется, что нет. — Он человек заметный...

Сергей Сергеич, запоздали;
А мы вас ждали, ждали, ждали.

Финальной характеристикой Фамусова является его неподдельное возмущение поведением дочери, которую он застаёт с Чацким в передней («где! с кем»). Он не только выговаривает слугам, которые не досмотрели и не дослышали, но готов огласить поступки героя всей Москве, подать жалобу в Сенат, «Министрам, государю». Истинная причина его возмущения выясняется только в самом конце: его судьба «плачевна» из-за грядущих пересудов и сплетен.

Ах! Боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!